

Дин Тянь слушал его с нарастающим недоумением, но внутри у него крепла уверенность: Ван Цзо — человек достойный. От одного его облика веяло редким благородством и непоколебимой честностью.

Поэтому он решил немного ему помочь:

— Боишься? И чего же? Разве от страха бегут в темницу? К тому же, совершил проступок — тебя схватят, преступил закон — казнят. Так велит государственный закон, неужто эти твои враги стоят выше закона? Вся империя велика, не верю я, что все, от самого государя до последнего писца, жаждут твоей смерти. Ты что, родине изменил?

Ван Цзо не выдержал и негромко рассмеялся:

— А ты забавный малый, маленький тюремщик Дин. Твои речи любопытно слушать.

— Я лишь говорю как есть, — Дин Тянь указал пальцем на Ван Юдэ. — Раз уж сидишь у меня, даже не думай доставлять хлопоты. Если вздумаешь наложить на себя руки — делай это на воле. На моей земле таким фокусам не бывать!

Договорив, он подхватил чайник и отправился за свежим кипятком.

Вдогонку ему Ван Юдэ отчаянно выкрикнул:

— Да что ты понимаешь, маленький тюремщик! У тех людей руки до самого неба дотягиваются! Серебро ещё из казны выдать не успели, а они уже знали точную сумму до последнего медяка! Моя шея не настолько крепка, чтобы тягаться с их стальными клинками!

Взгляд Ван Цзо мгновенно обострился:

— Что именно тебе известно?

Поняв, что сболтнул лишнего, Ван Юдэ испуганно прикусил язык. Он поспешно замолчал и принялся усердно жевать. Вся еда казалась ему теперь безвкусной травой, но он продолжал двигать челюстями чисто механически, упрямо избегая чужих взглядов.

Когда у человека отнимают надежду, ему остается лишь глухое отчаяние. Но Ван Юдэ терзало нечто большее: перед глазами его стояли близкие — престарелые родители, верные друзья, любимая жена и малые дети...

Так и не услышав ответа, Ван Цзо не стал давить на узника. Он неторопливо вернулся к трапезе. Суп с хворостом-махуа поначалу вызывал у него сомнения — он долго разглядывал чашу, прежде чем сделать первый глоток. Но, к его удивлению, бульон не отдавал неприятным соевым запахом, а был приятно солоноватым. Сам хворост оказался разломан на удобные мелкие кусочки, так что есть его не составляло труда.

В итоге он опустошил миску до последнего кусочка.

Убедившись, что его подопечные сыты и устроены, Дин Тянь только собрался немного перевести дух, как на пороге появился Чэн Да.

— Наш батюшка-судья наконец-то соизволил вспомнить, что в темнице томятся ещё трое бедолаг, — усмехнулся он.

— О как? — Дин Тянь невольно хмыкнул. — Неужто вчерашнее серебро так благотворно освежило его память?

Стоило вчера запереть двоих новеньких, как следом в управу приплыло тяжёлое серебро. И вот, пожалуйста, сегодня утром господин судья чудесным образом исцелился от забывчивости и вспомнил о тех троих, что сидели у них уже давно.

— Велел тебе явиться к нему, — Чэн Да недовольно скривился. — Наверняка расспрашивать станет... Ты ведь с тех троих никакой mzды не брал, а?

— В тот день, когда их привезли, вы с Лю Сэнем сами мне помогали. Разве вы не видели, что у них при себе оставалось? — Дин Тянь аккуратно поправил форменный головной убор. — На этих троих и медного гроша не сыщешь. К тому же за всё время к ним ни один родственник не пришёл.

— Их ведь посреди ночи доставили, небось домашние до сих пор гадают, куда они подевались, — предположил Чэн Да. — Ладно, иди к господину Ма, послушай, что он скажет.

«И что же у нашего судьи на уме?» — подумал Дин Тянь.

Дин Тяню ещё ни разу не приходилось представлять перед господином Ма с глазу на глаз.

Новый уездный судья с момента своего назначения почти не проводил разбирательств — разве что пару раз для вида собирал судебные заседания по случаю больших праздников. Дин Тяня провели в тот самый кабинет, где когда-то его принимал прежний судья, господин Ду.

Дин Тянь помнил, как приходил сюда прежде. Тогда обстановка кабинета дышала простотой: скромная мебель, ничего лишнего, всё как на ладони, и уж конечно никто не жёг здесь дорогих благовоний.

Тогда ему казалось, что господин Ду устроился весьма недурно — всё необходимое для дела имелось, а излишней роскоши честный чиновник и не искал.

Однако теперь, в сравнении с роскошеством господина Ма, прежний судья казался бездомным бедняком. Вот господин Ма действительно обустроил свою жизнь так, как подобает истинному

вельможе.

Прежние поблёклые стены теперь сияли свежей краской. Простые стулья и колченогий стол уступили место изысканному гарнитуру из дорогого красного дерева. На полках резного шкафа-многоярусника, где раньше сиротливо ютились пара случайных безделушек, теперь красовались настоящие сокровища. На нижней полке расположились тончайшей работы фигурки из ценного сандала; чуть выше выстроились четыре изящные ширмы с изображениями цветов четырех сезонов; а на самом верху покоились искусно выточенные нефритовые статуэтки.

Продай хозяин любую из этих вещиц — и обычная крестьянская семья могла бы безбедно жить года три, а то и все пять.

Раньше пол устилали простые каменные плиты, что само по себе считалось неплохим убранством для уездной управы. Теперь же всю комнату укрывал пушистый ковёр, настолько мягкий, что Дин Тянь робел ступить на него. К счастью, перед аудиенцией он предусмотрительно переделался в новую чистую форму, и даже голенища его сапог сияли белизной.

В отличие от аскетичного платья прежнего судьи, господин Ма щеголял в добротном, искусно сшитом халате на мягком меху. В воздухе плыл тонкий, едва уловимый аромат благовоний, напоминающий смесь душистого сандала и спелых фруктов.

В кабинете царило приятное, убаюкивающее тепло.

На стенах красовались старинные свитки с изящными пейзажами и каллиграфией. Из бронзовой курильницы струился сизый дым. И бывший, и нынешний судьи любили проводить время за кистью, но Дин Тянь невольно поймал себя на грустной мысли.

«Всё же господин Ду за этим занятием выглядел истинным мудрецом. А господин Ма... эх, одно притворство»

— Приветствую вас, господин судья, — почтительно произнёс Дин Тянь, сложив ладони в приветственном жесте. — Желаю вам доброго здоровья.

— А, Дин Тянь... — Господин Ма не торопясь вывел последний штрих и лишь тогда поднял на него взгляд.

<http://bllate.org/book/19387/1997486>